

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИИ

МЕНТЫ
НЕ АНГЕЛЫ,
НО...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки *Яны Половцевой*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Менты не ангелы, но... : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-092614-5

В обычном райотделе внутренних дел идет повседневная работа. Но если заглянуть за двери кабинетов и вникнуть в суть деятельности следователей, сотрудников уголовного розыска, участковых, то откроется совершенно удивительная и пугающая картина. Милицией в обществе недовольны, милиционеров ругают гораздо чаще, чем хвалят, но почему они такие, какие есть? И изменится ли что-нибудь после того, как милиция станет полицией? Ответы на эти вопросы можно получить, прочтя эту острую, написанную со знанием дела книгу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092614-5

© Д.А. Корецкий, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Все события и герои этой книги вымышлены, возможное сходство с реальными фактами и людьми – случайно.

Автор

Глава 1

Уголовный розыск. Самойлин

– Ну что, Самойлин, готов к боям за социалистическую законность? – густым голосом пробасил майор Веселов. Лицо его, как обычно, было бордовым от высокого жизненного тонуса и буйства сил в могучем организме. Потертый китель с трудом сходиллся на уже заметном животе. Впрочем, сам майор избегал слова «живот», называя его нижней частью груди.

– Готов, – ответил вчерашний курсант и почему-то вздохнул. – Только теперь социалистической-то вроде нету...

– А ее и никакой нету, – хохотнул майор. – И мы за это не отвечаем. Ведь что такое есть милиция? Это орган государства. Какое государство, такая и законность. А орган – он знай, свое дело делает. Вот и ты делай свое дело. Приказы начальников исполняй, людей зря не обижай, свою жопу не подставляй. Вспоминай советы курсового! Ты ведь в Центральный райотдел распределен?

– Ну да, вроде так, – кивнул молодой лейтенант, не привыкший еще ни к званию, ни к погонам, ни к тому, что отныне его судьбу будут определять не курсовой офицер и преподаватели, а совсем другие, незнакомые

пока люди – практические работники, как называли их в институте. Один отрезок жизни заканчивался, другой начинался. Переступить через разделяющий их порог предстояло уже сегодня.

С плаца доносилась бравурная музыка военного оркестра, разноголосый шум, смех и радостные выкрики. Празднично наряженная толпа родителей бурлила, размывалась воронками, распадалась на части, чтобы тут же сконцентрироваться в новом месте. Женщина-дагестанка с платком на голове, в длинном цветастом платье и похожих на калоши туфлях стояла в сторонке и казалась пришельцей из далекого и чуждого мира. И то, что происходило вокруг, наверняка казалось ей чуждым и необычным. Но она не проявляла любопытства, не вертела головой по сторонам, а смотрела только на Ахмеда Бузуркаева – в летней парадной форме с новенькими лейтенантскими погонами. **СЫН ВЫУЧИЛСЯ НА МИЛИЦИОНЕРА, И НЕ ПРОСТОГО, А СРАЗУ НА ЛЕЙТЕНАНТА!** Это очень большое событие для нее, для семьи, для всего рода. Теперь и многочисленные родственники, и односельчане, да и все жители высокогорного Гунибского района поймут, какой у Патимат замечательный сын! У кривого Омара, правда, сыновья давно служат в Махачкале: один в тюрьме, второй на базаре, но они всего-навсего сержанты. А у сыночка на плечах золотые офицерские звезды, и если начальник милиции не обманет, его возьмут сразу следователем! Но Осман Керимович обмануть не должен, он сын тетушки Мисиду, жены дяди Патимат – близкий родственник, даже без денег все должен сделать... Теперь, хвала Аллаху, род Бузуркаевых наберет силу... Милиционеров на Кавказе всегда уважали, и жили они небедно, только теперь непонятно, что творится – нападают на них, дома взрывают, машины обстреливают... Ахмед стоит в двух шагах, с горской сдержанностью, на мать

не смотрит, но понимает, о чем она думает. Выучился он с трудом, на «тройках» выехал, но теперь это не важно: в горах вкладыш дипломный не разглядывают, смотрят на погоны, на кабинетную табличку, на дом, на автомобиль... Плохо только – оперативная обстановка сложная: убивают милиционеров, специально охотятся, дома сжигают... Лучше бы, конечно, в Тиходонске остаться, но хороший сын ни мать, ни родственников забывать не должен, надо ехать на родину, а если убьют – так на все воля Аллаха...

Щелкали фотоаппараты, бесшумно стрекотали кинокамеры, запечатлевая навеки bestолковую радость выпуска. Детишки собирали с бетона мелочь: каждый выпускник, проходя в строю мимо трибуны, подбрасывал вверх на счастье монетку. Серебряные и золотые кружки, сверкая на ярком солнце, взлетали над «коробкой» взвода и осыпались на молодых лейтенантов, как бы благословляя их на новую – счастливую и богатую жизнь... Ритуал этот неофициальный и, вроде бы, даже запрещенный, но не настолько строго, чтобы его не исполняли поколение за поколением выпускников.

Вадим невольно взглянул в окно. Сейчас основная жизнь шла там.

– Я, собственно, попрощаться зашел, Васильич. Вы сказать... Ну, короче, спасибо за все...

– Я тебе не все долги отдал, – покаянно сказал Васильич. Он нередко занимал деньги у курсантов и, как правило, не возвращал. Но всегда помнил о первом факте и сожалел о втором. Суммы были небольшими, и курсанты относились к этому снисходительно.

– Да ничего, ерунда все это, – махнул рукой Самойлин, приглаживая топорщащиеся на рубашке погоны.

– И помни: правильно бумажки писать – это даже не полдела, только четверть. Главное – грамотно действовать на улице. Вот месяц назад наш выпускник поза-

прошлого года погиб. На вокзале в Хасавюрте увидел двух подозрительных, спросил документы, документов нет. Тогда он говорит: «Следуйте за мной в отделение!» – и... поворачивается к ним спиной! Короче, тридцать пять ножевых ранений!

Вадим покачал головой.

– Надо было с напарником подходить. Или отступить назад, достать оружие, посадить их на землю и вызывать подмогу. Я знаю тактику задержания.

– Тогда вперед! И помни: лучше отписываться и давать показания, чем лежать в яме! Поэтому патрон всегда досылай в ствол и не жди, пока тебя начнут убивать, тогда уже поздно будет! Я, помню, в Нагорном Карабахе троих нападавших уложил из автомата и доложил командиру: «Сержант Веселов израсходовал восемнадцать патронов, задержек при стрельбе не имел!» Тот в крик: «Под арест пойдешь, в прокуратуру отдам!» Сколько лет прошло, а я вот он! А где был бы? Уже бы и косточки сгнили!

Веселов любил рассказывать такие поучительные истории, и хотя их достоверность никто не проверял, слушать было интересно.

Они пожали друг другу руки.

– Удачи тебе! Не забывай, заходи! Я человек не ученый, но жизнь знаю, может, и присоветую чего...

– Спасибо, – улыбнулся Вадим.

Улыбка у него была красивая, гагаринская. И лицо симпатичное, и глаза умные. Ему бы в киноактеры, а не в милиционеры. Хотя фигура подкачала: уж больно несерьезно он выглядел. Плечи узкие, рост сто семьдесят, туфли 39-го размера... В американские копы Вадиму бы ни в жисть не попасть, правда, тамошние кадровики понятия «некомплект» не знают: у них очередь стоит... Но, несмотря на невыигрышную фактуру, парень был жилистым, выносливым, и руки сильные, цепкие. Это потому,

что все четыре года учебы тягал железо в спортзале, занимался борьбой самбо и карате.

А в детстве его дразнили хляком и часто били. Когда в очередной раз уличная шпана катала его ногами по двору, в подворотню зашел милиционер. Случайно. Обидчики, увидев форму, вмиг сыпанули через забор. И вот тогда Вадим решил: буду милиционером, сильным, смелым, и меня точно никто больше не тронет. Он думал, что милиционер обходит территорию, наводя порядок, но оказалось, что тот шел к девушке, соседке. Через некоторое время он увидел их выходящими из соседнего подъезда. Девушку звали Надей. Она была очень красивой: черные волосы коротко подстрижены, в белом платье и белых босоножках на тонкой шпильке. Вадим тогда еще подумал: «Как невеста!» А у ее спутника-милиционера было по две маленькие звездочки на погонах. Это он хорошо запомнил. А теперь он тоже лейтенант милиции. Хотя отношение к форме сейчас другое, что говорить...

Вадим смешался с толпой, отыскивая своих. Майор Веселов тоже вышел во двор и присоединился к группе офицеров. Тут были строевые командиры и преподаватели – кандидаты и доктора наук, доценты и один профессор. Последних называли «учеными», самые глупые из них тоже считали себя таковыми, хотя профессор Ежелев смеялся: «Ученые – медведи в цирке, которые на велосипедах катаются!»

Шестеро старших офицеров, с седыми висками и лысеющими головами, у которых большая и основная часть жизни осталась позади, задумчиво рассматривали молодых ребят в новеньких погонах, с хрустящими дипломами в карманах. Были и девушки, сегодня они сняли уродующие фигуры камуфляжные комбинезоны, надев «парадку»: белые рубашки, кителя, уставные юбки не выше колена и неуставные туфельки... В этом виде представительницы прекрасного пола обрели природную грациоз-

ность, хотя и несколько устроженную милицейской униформой. Но настроение у всех было хорошим, и атмосфера праздника безраздельно царила над огромным двором с учебными корпусами и общежитием, плацем, полосой препятствий, складом арттехвооружения, тиром, огромным спортивным залом.

Отутюженная форма, сияющие лица, светящиеся радостью глаза, вспышки веселого смеха, кругом нарядные друзья, родители, подруги: постовые на КПП в день выпуска ведут себя либерально.

– А что, товарищи офицеры, кто бы захотел поменяться с ними? – кивнул Веселов на счастливых выпускников. – Махнул волшебной палочкой, и пошел в лейтенантских погонах за ворота. Без лишнего жира, болячек...

Подполковники и полковники переглянулись, покачали головами.

– И без квартиры, положения, достатка, связей... Я не хочу!

– Опять все с начала, опять с нуля. Я тоже не согласился бы...

– Это же и семью потерять, и детей, все что знаешь и к чему привык... Нет, уж!

– А я бы пошел! – вызвался плотный круглоголовый Рыбаков. – Молодость главное. А остальное приложится!

Умудренные опытом офицеры с противоречивыми чувствами смотрели на уходящих выпускников. Они выходили в широко распахнутые ворота, и это было очень символично: очередной выпуск офицеров шел в большую жизнь.

В Центральный отдел внутренних дел он явился ровно к восьми. На невысоком крылечке в три ступеньки стояли два сержанта в пузырящейся форме, бронежи-

летах, с автоматами наперевес. Они охраняли милицию и, очевидно, пускали в райотдел не каждого. А как же гражданам сделать заявление? Вряд ли они пропустят через порог потерпевшего от кражи, а может, и пострадавшего от грабежа завернут... Это же всем законам противоречит!

– Я на работу, новый сотрудник, – Самойлин протянул к безразличным лицам свое новенькое офицерское удостоверение. Если он думал, что сержанты изучат документ, подтянутся и, как положено, отдадут честь старшему по званию, то он ошибся. Просто один постовой небрежно махнул рукой и буркнул сквозь зубы:

– Проходи, чего встал!

Лейтенант вздохнул. Ему вдруг стало совершенно ясно, что отбить внезапное нападение на райотдел постовые не смогут. Да они и не готовы к такому варианту развития событий. Тогда зачем они здесь стоят?

Он шагнул через порог, и первое место службы приняло его в свои объятия. Небольшой, казенно-неуютный холл с объявлениями на стенах, стойкий запах карболки, казенщины и человеческого горя. На раздолбанных, как из старого кинотеатра, креслах с откидными сиденьями сидели две женщины неопределенного возраста, в серой неприметной одежде, чуть поодаль маялся в ожидании такого же вида мужичок, которого вдобавок мучил похмельный синдром. В углу озабоченно переговаривались четверо парней, лица которых не внушали любви и доверия к человечеству.

Дежурный капитан за большим витринным стеклом говорил по телефону.

– Есть у нас заявка, есть! – в голосе слышалось раздражение. – Но это не криминальный труп! Я понимаю, что он второй день лежит, но мы такими не занимаемся! Звоните в «скорую помощь»... Ну, тогда в администрацию!

Телефонная трубка с лязгом легла на базу.

– К кому? – капитан повернулся к вошедшему. У него было брюзгливое лицо, защищенное маской отчужденности, как постовые бронжилетами.

– Я новый сотрудник. В уголовный розыск.

На миг отчужденность пропала, сквозь нее проглянули обычные человеческие выражения: усталость после суточного дежурства и легкое любопытство.

– Второй этаж, двадцать второй кабинет.

Вадим поднялся по стертым каменным ступенькам. На втором этаже был сделан дешевый ремонт: под неровно прибитым пластиком угадывались загаженные стены с чернильными надписями. Коридор был пустынным – видно, сержанты на входе действительно не пускали ненужных людей.

На двадцать втором кабинете висела табличка: «Начальник уголовного розыска».

Самойлин тихонько постучал и сразу заглянул в дверь.

– Разрешите?

– Заходи, – кивнул сидящий за столом коренастый мужчина лет сорока пяти. У него было жесткое лицо бывалого, много повидавшего человека, развитые надбровные дуги и круглые блестящие глаза, испытующе уставившиеся в новичка.

– Чего хотел?

– Здравия желаю. Лейтенант Самойлин прибыл для прохождения службы.

– Прибыл, говоришь? – хозяин кабинета перевернул лежащие перед ним документы и протянул руку. – Как зовут-то?

– Вадик... То есть Вадим Николаевич.

– А я Сивцов Валерий Петрович, – острый взгляд буравил новичка насквозь. – А перечисли-ка мне, Вадим Николаевич, принципы оперативно-розыскной деятельности!

Самойлин удивился. Чего-чего, а экзамена он не ожидал. Тем более в первую минуту знакомства.

– Законность, конспиративность, наступательность, – начал перечислять он, постепенно замедляя темп. – Уважение прав граждан...

– Молодец, быстро сориентировался! И основные назвал, – с некоторым удивлением сказал Сивцов. – А то, бывает, таких дураков присылают!

Он что-то вспомнил и, улыбнувшись, покачал головой.

– Один пришел, я у него спрашиваю: «Что такое вербовка?» А он отвечает: «Это дерево такое!» С вербой перепутал, паразит!

– Ну и что? Выгнали его?

– Да нет, взяли Пашку Сытникова. Работать-то некому. Знаешь, как мы сотрудников подбираем?

– Как?

– Приходим в спецприемник для бродяг, выбираем кто почище, попримичней и без судимости, спрашиваем: «Пойдешь к нам работать?» Соглашается – направляем его на медкомиссию, оформляем, и – вперед: иди, носи службу!

– Правда, что ли? – ошарашенно изумился Вадим.

Сивцов вздохнул.

– Не совсем. Тут я слегка преувеличил. Но самую малость...

Начальник УР вышел из-за стола. Роста он оказался небольшого, но с крепкой фигурой и уверенными манерами.

– Пошли, покажу твое рабочее место.

Они прошли по коридору и зашли в маленький тупичок. Ремонт сюда не добрался. Ощутимо пахло туалетом. Сивцов достал связку ключей и отпер хлипкую дверь.

В небольшом обшарпанном кабинете плотно стояли три неказистых стола, три стандартных сейфа и три стула. Еще один стул ютился посередине и, судя по всему,

предназначался для посетителей. Очевидно, сидели они на нем по очереди.

– Вот, занимай, – показал Сивцов на стол возле самой двери. – В ящике ключи от сейфа и кабинета. Устраивайся пока.

Вадим осмотрелся, показал на пустые столы.

– А где коллеги?

– Эти двое будут к обеду, сейчас на подворном обходе. Жуки еще те... Опрашивают свидетелей пачками, пишут под копирку, потом приносят кучу объяснений: вот мол, сколько поработали! А людей надо каждого отдельно опрашивать, а не всех скопом. Иначе индивидуальное восприятие теряется, весь смысл и достоверность пропадают!

– Да, надо, конечно, по закону, – согласился Вадим.

Начальник УР усмехнулся.

– Насчет закона мы еще переговорим, им тоже особо увлекаться нельзя. Все хорошо в меру... А пока пойдем дальше, посмотрим остальное хозяйство...

– Хозяйство у вас хорошее, – сказал Вадим, чтобы сделать Сивцову приятное. – Ремонт приличный, тишина. Как будто ничего не происходит или двери с изоляцией...

– С изоляцией, говоришь? Сейчас просто время такое, – Сивцов подмигнул, прошагал в конец коридора к двери с цифрой девять и табличкой «Оперуполномоченные УР». Оттуда доносились крики, матерщина и странные звуки.

– Юматов работает. Он жесткий, как напильник... Это, конечно, неплохо, но ты с него пока особо пример не бери. Осторожно присмотришь и своей головой думай...

Сивцов многозначительно посмотрел исподлобья. Взгляд получился страшноватым. Но в следующую минуту стал самым обычным взглядом старшего товарища, дающего молодому хороший совет.

– А-а... – неопределенно протянул Вадим. Он так ничего и не понял. Если Юматов делает то, чего делать нельзя, то почему начальник угрозыска ему этого не запретит?

Сивцов тяжелой ладонью хлопнул Самойлина по спине.

– Идем, дежурную часть посмотрим, «обезьянник»... А потом я тебя к руководству заведу.

Они спустились вниз, зашли в дежурку. Капитан уже сменился, за пультом сидел пузатый майор, чем-то похожий на Веселова.

– Это майор Литовко. От него многое зависит, – представил дежурного Сивцов. – А это наш новый опер!

Майор вполне уважительно кивнул.

– Задержанные есть?

– Двое. Бомжи.

Сивцов подвел новичка к «обезьяннику». Там сидели два изможденных мужичка с испитыми лицами. От них исходила густая вонь, перебивавшая запах дезинфекции. Майор подошел следом.

– Двух гусей на рынке украли! У, паскуды, – погрозил он кулаком с таким негодованием, будто в клетке сидели Бен Ладен со своим заместителем.

Начальник Центрального райотдела подполковник Баринов был известен в милицейской среде под прозвищем Барин. Возможно, виной тому была фамилия, а возможно, фактура: высокий, плотный, с бульдожьим лицом и злыми круглыми глазами, он действительно походил на барина-самодура, способного сечь подчиненных на конюшне или травить собаками.

В обед он запирался, отключал телефоны и час-полтора спал. Потом обходил вверенное подразделение, как

бы проверяя, не сказался ли отрицательно его сон на дисциплине и усердии подчиненных. Причем проверка эта выглядела своеобразно: он резко распахивал дверь, резко переступал порог и застывал, как статуя командора. Наклонив голову и выпятив челюсть, Барин упирался в сотрудников тяжелым, гипнотизирующим взглядом, будто хотел рассмотреть самые сокровенные тайны в их душах. Потом так же резко выходил, захлопывал за собой дверь и шел в следующий кабинет, где процедура полностью повторялась. Сотрудники называли ее «рентгенпросвет».

Новичка он принял довольно благодушно, спросил об институтских оценках и ближайших планах.

– Учеба одно, работа – совсем другое, – сказал он напоследок. – В жизни есть много такого, чему тебя не учили. Например: если зарегистрировал преступление, обязан его раскрыть. Не можешь раскрыть – не регистрируй!

– Это как? – открыл рот Вадим.

Баринов небрежно отмахнулся.

– У тебя есть непосредственный начальник – майор Сивцов, он тебе все и объяснит. Присмотрись пару днейков, походи в учениках, а потом впрягайся в воз и тяни так, чтоб жилы рвались! Вопросы есть?

– Мне бы оружие получить. На постоянное ношение.

Это было заветной мечтой молодого лейтенанта.

Начальник РОВД повторил небрежный жест.

– Сдашь зачет по материальной части и правилам обращения, – и получай. Только не на «постоянку».¹ Это право еще заслужить надо. Мы тебя лучше узнать должны, присмотреться. И вообще, имей в виду – от

¹ «Постоянка» – предусмотренное Законом и постоянно нарушаемое на местах право постоянного ношения оружия, как на службе, так и в свободное время.

оружия одни неприятности. Больше вопросов нет? Тогда вперед!

– Значит, запомни, мы заявлений не регистрируем, – просвещал Вадима начальник УР.

– А кто регистрирует? Дежурный?

– И дежурный не регистрирует. Теперь заявитель идет к начальнику, а тот решает – что регистрировать, а что – нет.

– Как так? По закону любой сотрудник милиции обязан принять заявление...

Сивцов небрежно отмахнулся, как начальник РОВД несколько минут назад.

– Ты забывай эти глупости, которым тебя учили! Закон одно, а практика другое. Должен же быть индивидуальный подход. Начальник смотрит: что за преступление, каковы перспективы раскрытия. И на заявителя смотрит: что за человек. Если солидный, уважаемый – можно и нераскрываемую заяву записать. А если никому не интересный – сам понимаешь. Кому сейчас охота возиться?

Наверное, лицо молодого человека как-то изменилось, потому что Сивцов поспешно добавил:

– Нет, ну если тяжкое – убийство там, бандитизм, тогда все по закону делается...

Но прозвучало это не особенно убедительно.

– В общем, иди, работай. Научись!

«Эти двое», как назвал их Сивцов, появились к концу дня.

– О, новенький! – в кабинет ввалились два парня в гражданской одежде. – Будешь на праздники дежурить!

– Почему? – Вадим как раз рассматривал гулкое ну-тро пустого сейфа. В углу он нашел патрон от пээма, в